
Владимир Кожевников
Сад
последних снов

Владимир Кожевников

Сад последних снов

«Автор»
2026

Кожевников В. В.

Сад последних снов / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

«Сад последних снов» — лирическая фэнтези-повесть о Марсе, который не мёртв, а спит. Земные колонисты приходят строить новый мир и находят город из полупрозрачного хрусталя, где стены дышат, мосты поют, а песок хранит чужие воспоминания. Картограф Элиас слышит голос девушки из закатного света; его жена-ботаник выращивает розы, превращающиеся в стекло; поэт записывает хроники; капитан требует покорить планету. Чем сильнее люди навязывают Марсу свою волю, тем яснее он показывает им то, что они прячут от себя. Это история о невольном паломничестве, о любви, которая не требует тела, и о планете, которая умеет ждать. Для тех, кто любит красочные сны и тихую грусть «Марсианских хроник».

© Кожевников В. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город, который пел 5
Глава 2. Сад стеклянных цветов 7
Глава 3. Песня под красным солнцем 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Владимир Кожевников
Сад последних снов

Глава 1. Город, который пел

В течение третьего утра после посадки ветер переменился. Он пах гвоздикой, старой бумагой и дождём, которого на Марсе не было уже тысячи лет. Элиас Рид заметил это первым — не потому, что был внимательнее других, а потому, что его работа состояла в том, чтобы замечать то, чего нет на картах. Он стоял у трапа с планшетом, где алая равнина была разлинована на квадраты, и ему казалось, что линии дрожат под карандашом, будто бумага пытается вспомнить другой рисунок.

Лагерь просыпался медленно. Генераторы гудели, как огромные сонные шмели; в куполах пахло кофе, горячим пластиком и землёй из ящиков Миры. Капитан Уайлдер уже стоял у карты и тыкал пальцем в долину за грядой: разведдрон вернулся оттуда с сигналом, слишком ровным для камня и слишком живым для обломков. «Похоже на структуру», — сказал он так, словно структура уже была его собственностью.

К долине шли час. Песок под ботинками был мелкий, как просеянная мука, и, несмотря на ветер, поднимался неохотно. Потом гряда расступилась — и все остановились.

Внизу лежал город.

Не руины. Не развалины. Город был соткан из полупрозрачного хрусталя: башни, арки, мосты, лестницы, уходящие внутрь самих себя. Он походил на застывший дождь, который кто-то подвесил над чашей долины и забыл, что дождь должен падать. Внутри не было ни пылинки. Стены дышали — медленно, глубоко, как спящее животное. Когда колонисты подошли ближе, город отозвался на шаги тихим звоном, будто под песком были натянуты струны.

Мира первой коснулась стены. Она сняла перчатку и приложила ладонь к холодному кристаллу. Стена вздрогнула. Из глубины пошла вибрация — низкая, тёплая, — и в ней почудилась колыбельная. Не слова, а только мелодия, которую тело знает раньше, чем память.

— Осторожно, — сказал Элиас.

— Она не кусается, — ответила Мира, но руку убрала.

Уайлдер обошёл стену, постучал по ней рукоятью ножа. Звук получился чистый, как у бокала. Капитан прищурился.

— Хороший материал. Разберём южное крыло. Нам нужны перекрытия и опоры.

— Это не материал, — сказал Элиас. — Это… — Он не нашёл слова и разозлился на себя.

— Это камень, — отрезал Уайлдер. — Камень на Марсе — материал.

Инженеры подтащили резак. Сталь коснулась кристалла — и ничего не произошло. Потом кристалл вздрогнул, посерел, пошёл трещинами изнутри и рассыпался в лазурную пыль. Не осколки и не крошка, а пыль, которая поднялась облаком и осела на плечи колонистам. Уайлдер выругался. Второй резец повторил судьбу первого. Третий инженер не стал ждать и отошёл.

Элиас смотрел на пустое место у стены и вдруг понял: кристалл не сопротивлялся стали. Он отказывался быть собственностью. Город не защищался — он не признавал права резака.

— Оцепим, — сказал капитан. — И до моего приказа — ни шагу после заката. Город не трогать.

Ночью Элиас вернулся. Он знал, что нарушает приказ, и всё равно шёл — не из упрямства, а потому что на его карте, среди ровных квадратов, появилось пустое пятно. Не там, где стоял город, а там, где должен был стоять он сам. Пятно было тёплым. Элиас взял фонарь, однако фонарь не понадобился: город светился.

Свет был мягкий, медовый, с розовым по краям. На площади, где днём лежала лазурная пыль, теперь танцевали силуэты. Дети. Марсианские дети из песка и света, тонкие, как рисунки на стекле. Они играли в игру, правил которой Элиас не понимал: перебрасывались светящимися камешками, и там, где камешек падал, песок на секунду становился водой. Они не замечали его. Или делали вид.

Одна фигура обернулась.

Девушка. Волосы цвета заката, глаза — два осколка вечернего неба. Она не испугалась и не удивилась. Посмотрела на Элиаса так, будто ждала его дольше, чем существует человечество, и чуть улыбнулась. Элиас поднял руку. Девушка приложила палец к губам — не приглашение, предупреждение, — и город погас.

В темноте остался только запах гвоздики, старой бумаги и дождя. На ладони Элиаса лежал светящийся камешек — маленький, тёплый, как чужое сердце.

Глава 2. Сад стеклянных цветов

Мира разбила первый земной огород в кратере, защищённом от ветров. Кратер был похож на старую медную чашу, в которой когда-то держали закат. Почва в мешках, привезённая с Земли, пахла так сильно, что у Миры кружилась голова: влажным чернозёмом, прелыми листьями, бабушкиным вареньем. Она смешала её с марсианским песком — осторожно, как смешивают две крови, которым предстоит стать одной, — и посадила розы, тюльпаны и тонкие яблоневые саженцы.

Всходы появились на удивление быстро. На второе утро из песка показались бледные ростки, похожие на зелёные пальцы, которые пробуют воздух на вкус. Мира не спала ночами, поила их водой из регенератора и говорила с ними шёпотом, как с детьми. Элиас приносил ей чай и смотрел, как она склоняется над грядками. В его картах уже появилось пустое пятно, которое он никому не показывал, а в кармане лежал светящийся камешек, тёплый, как чужое сердце.

На третью ночь лепестки стали прозрачными. Мира проснулась от тонкого звона, будто в кратере кто-то перебирал стеклянные чётки. Она вышла из купола и остановилась. Розы стояли в свете лун — не живые и не мёртвые, а словно вырезанные из льда. Стебли были хрупкими, как лёд. Тюльпаны светились изнутри слабым перламутром. Яблоневые саженцы вытянулись и застыли, и на их ветках висели маленькие прозрачные яблоки, в которых отражалось небо.

Мира опустилась на колени. Она коснулась розы, и лепесток отозвался тихим звоном. От цветов шёл запах не Земли, а далёкой марсианской весны — гвоздики, старой бумаги и дождя. Мира заплакала. Слеза упала в сердцевину цветка, и там вспыхнула крошечная звезда. Она горела ровно, нежно, как будто кто-то очень далёкий оставил в стекле маленький маяк.

Сначала Мира испугалась. Ей показалось, что цветы умерли и Марс просто сделал из них красивые гробы. Она приложила ладонь к другому цветку — и тот зазвенел иначе, ниже, словно откликнулся на её страх. Она вспомнила дом, мамины руки, запах пирога, — и роза зазвенела третьим звуком, тёплым и грустным. Тогда Мира поняла: стеклянные цветы не погибли. Они стали памятью, потому что иначе Марс не мог их сохранить. Это была не смерть, а иной способ жить.

— Ты не убил их, — прошептала она. — Ты их запомнил.

Утром пришёл Уайлдер. Он посмотрел на стеклянные цветы и нахмурился.

— Это не урожай, — сказал он. — Это стекло. Мы не можем кормить колонию стеклом.

— Это не урожай, — ответила Мира. — Это память.

— Нам нужна еда, а не память. До выяснения комиссией из лагеря — сад опечатать. Никого не пускать.

— Тогда не трогай мои цветы.

Уайлдер ничего не сказал. Но по тому, как он сжал челюсти, Мира поняла: он ещё вернётся.

Элиас в это время был у городской стены. Он пришёл туда с камешком в кармане, и камешек грел его через ткань. Чем ближе Элиас подходил к южной стене, тем сильнее становилось тепло. У северного крыла камешек остыл. У восточной арки — снова нагрелся. Элиас шёл за теплом, как за нитью.

На стене, в том месте, где днём был гладкий кристалл, проступила фреска. Девушка с волосами цвета заката стояла на мосту из чёрного стекла. Она была похожа на ту, что танцевала в песке. Под фреской была надпись на языке, который Элиас внезапно начал понимать. Слова складывались в смысл медленно, как будто язык вспоминал его.

«Тэя, дочь заката».

Элиас приложил ладонь к фреске. Камешек в кармане вспыхнул. На мгновение ему показалось, что девушка на стене улыбнулась.

Глава 3. Песня под красным солнцем

Амфитеатр Элиас нашёл на четвёртый день. Он не искал его специально — просто шёл за теплом камешка, и тепло привело его вглубь города, туда, где хрустальные улицы сужались и становились похожи на вены. Камешек горел в кармане так сильно, что обжигал кожу. Элиас завернул его в платок и продолжал идти.

Амфитеатр был вырезан из дымчатого кварца. Ступени поднимались полукругом, как рёбра огромного спящего зверя. В центре стояла сцена — гладкая, тёмная, отполированная ветром до зеркального блеска. На сцене никого не было. Но когда Элиас спустился по ступеням, воздух задрожал. Солнце уже касалось края долины, и его последние лучи проходили сквозь кварц, дробясь на тысячи оттенков меди и розового золота.

И тогда она появилась.

Не призрак. Не видение. Женщина из света и пыли, сотканная из последних лучей уходящего солнца, — почти телесная, но сквозь её ладони просвечивали ступени. Она стояла на сцене и пела.

Голос был низкий, грудной, как виолончель, и в нём было столько тоски, что Элиас почувствовал, как у него сжимается горло. Она пела на языке, которого он не знал, но понимал каждое слово — не умом, а телом, как понимают холод или тепло. Она пела о том, как её народ отказался от тел, чтобы сохранить любовь в чистом виде. О том, как они стали песней, эхом, воспоминанием, чтобы не знать одиночества. О том, как солнце остывало, и они уходили в сад последних снов один за другим, держась за руки.

Элиас стоял, не дыша. Когда она закончила, тишина была такой полной, что он слышал, как бьётся его собственное сердце. Он не знал языка. Но когда она замолчала, он осознал, что понял.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос звучал внутри головы, как будто она говорила прямо в его мысли.

— Ты — Тэя, — ответил Элиас. — Дочь заката.

Она улыбнулась. Улыбка была как трещина на стекле — тонкая, опасная, прекрасная.

— Ты читаешь наши стены, — сказала она. — Но не читаешь наши песни. Почему?

— Я не знаю вашего языка.

— Ты знаешь. Ты просто боишься, что поймёшь.

Элиас поднялся на сцену. Она не отступила. Он был так близко, что чувствовал запах пыли и мёда, исходящий от её волос. Он достал из кармана платок, развернул камешек — тот горел ровным светом.

— Я принёс тебе стихи, — сказал он. — Земные. Я не знаю, зачем. Просто… когда я тебя услышал, я вспомнил их.

Он прочитал ей стихотворение о море. О том, как волны бьются о берег, как соль остаётся на губах, как человек стоит на краю земли и смотрит вдаль. Он читал неуверенно, спотыкаясь, потому что никогда не читал стихи вслух. На середине он забыл строку — и остановился. Тэя не подсказала словами. Она подняла руку, и в воздухе перед ним повисла картинка: волна, набегающая на песок, и на песке — след босой ноги. Элиас вспомнил строку и дочитал.

Когда он закончил, Тэя засмеялась.

Смех был как звон разбитого стекла — и в то же время как дождь. Она смеялась и не могла остановиться, и в её смехе было столько удивления, как будто она забыла, что это такое.

— Ты смеёшься, — сказал Элиас.

— Я не смеялась тысячу лет, — ответила она. — Тысяча лет — это не срок. Это способ считать одиночество. Твои стихи смешные. Но не потому, что плохие. Потому что живые.

— А ты? — спросил он. — Ты живая?

Она посмотрела на свои просвечивающие ладони.

— Я — эхо. Эхо не живёт. Оно отвечает. Пока есть кому кричать.

Они гуляли по городу до рассвета. Тэя показывала ему мосты, которые пели, когда по ним шли; фонтаны, в которых вместо воды текли воспоминания; стены, на которых проступали лица её народа. Элиас рассказывал ей о Земле — о дожде, о снеге, о том, как пахнет море. Она слушала так внимательно, как будто собирала каждое слово в ладонь.

Но с первым лучом солнца Тэя начала таять. Сначала исчезли пальцы, потом плечи, потом лицо, и только потом — голос. На ладони Элиаса осталась хрустальная слеза. Маленькая, тёплая, как камешек. Он сжал её в кулаке и стоял так, пока солнце не поднялось над долиной.

В лагере его ждал Уайлдер.

— Ты выходил за периметр, — сказал капитан. — Ночью. Не смотря на приказ.

— Я был в городе.

— Ты был в городе один. Ночью. Не смотря на приказ.

— Я слышал её, — сказал Элиас. — Она пела.

Уайлдер посмотрел на него так, как смотрят на больного.

— Марсианский бред, — сказал он. — Я читал отчёты. У некоторых колонистов начинаются галлюцинации. Ты болен, Рид. С этого дня — запрет на выходы после заката. И охрана.

— Приставишь ко мне охрану?

— Приставлю.

Элиас посмотрел на хрустальную слезу в кулаке. Она была тёплой. Настоящей. Он ничего не сказал капитану. Но когда он уходил, то чувствовал на себе взгляд Уайлдера — тяжёлый, как марсианский песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.